

Олеся Семенова

*Вкус ликориса. Книга
вторая*

18+

Олеся Семенова

Вкус ликориса. Книга вторая

<https://litres.ru/73727874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон, 1722 год. Графиня Виктория Астон возвращается на родину, чтобы восстановить своё имя, раскрыть убийц семьи и найти пропавшего князя по поручению императрицы.

Здесь её ждёт свадьба любимой кузины и лорд Ричард Фицрой — жених, от которого она сбежала. Тот, кто мог быть частью заговора, уничтожившего её род.

Её тень, демон Лукан, поклялся защищать графиню любой ценой. Но он не знает, что опаснее: враги, что подстерегают её в Лондоне, или тьма, что рвётся из него самого. Ведь их контракт близится к завершению. И скоро ему придётся выбирать...

Она ищет правду. Он — единственный, кому она может доверять. Но их сделка может стоить всего.

Содержание

Глава 1 Возвращение	4
Глава 2 Смущенная графиня	18
Глава 3 Тени прошлого	31
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олеся Семенова

Вкус ликориса.

Книга вторая

Глава 1 Возвращение

«Северная роза» медленно входила в гавань, и с каждым мгновением город открывался взгляду все яснее. Сначала из утренней дымки проступили шпили церквей — старый собор Святого Павла, еще не достроенный после великого пожара, но уже возвышавшийся над городом, как каменный страж. Затем показались крыши, трубы, мачты кораблей, стоявших на якоре у причалов. Гул портовых кранов, крики грузчиков, ржание лошадей, запах рыбы, угля и морской соли — все это обрушилось на Викторину, едва она ступила на палубу, прощаясь с каютой, где провела последние три недели.

Она стояла у трапа, готовая сойти на берег. Солнце, пробившееся сквозь утренние облака, радостно светило в глаза, и графиня слегка прикрыла их рукой, привыкая к яркому свету после долгих дней в открытом море.

Позади нее стоял Лукан — безупречный, невозмутимый, с двумя тяжелыми саквояжами в руках. Он был одет в тем-

но-синий дорожный костюм, на плечи был накинут длинный плащ, защищавший от ветра, а на голове — изящная треуголка. В этом образе он выглядел не как слуга, а как истинный аристократ, сопровождающий свою госпожу.

— Вы готовы, госпожа? — тихо спросил он, глядя на суету в порту.

— Готова, — ответила Виктория, и голос ее был тверд.

Она уверенно ступила на сходни, и доски заскрипели под ее ногами. «Северная роза» — корабль, ставший за эти недели почти родным, — оставался позади. Позади оставалась и Россия, которая успела стать ей домом. Впереди была Англия — родина, которую она покинула беглянкой и на которую возвращалась мстительницей.

На причале кипела жизнь. Несколько десятков человек толпились у трапа: кто-то встречал родных, кто-то торговал снедью, кто-то просто глазел на прибывающих пассажиров. Виктория заметила носильщиков с тележками, лакеев в livreeх, ожидавших знатных господ, нескольких офицеров в красных мундирах, равнодушно наблюдавших за суетой.

И среди всей этой пестрой толпы — ее.

Леди Маргарет стояла чуть поодаль от основной группы встречающих, укутанная в теплое дорожное пальто из тонкой шерсти нежно-голубого цвета, отороченное мехом. Изпод пальто выглядывал край платья из плотного шелка, такого же голубого цвета, с высоким воротником, защищающим от ветра. На голове у нее была изящная шляпка, при-

держиваемая лентами, завязанными под подбородком, чтобы не сдуло порывами ветра. В руках — муфта из белого меха, в которую она то и дело прятала пальцы, ожидая у причала. Рядом с ней стояла пожилая компаньонка в строгом сером платье и теплой накидке, но Маргарет, казалось, не замечала холода, нетерпеливо вглядываясь в сходящих с корабля пассажиров.

Когда Виктория появилась на сходнях, Маргарет издала радостный крик, заглушивший портовый шум.

— Виктория!

Она забыла о приличиях, забыла о том, что леди не подобает бегать, и буквально бросилась вперед, едва не сбив с ног какого-то грузчика. Через мгновение она уже была в объятиях кузины, крепко, по-детски сильно обнимая ее.

Виктория, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, прижала к себе Маргарет, вдыхая знакомый запах ее духов — розы и фиалки, тот самый, что напоминал о детстве, о бабушкином саде, о временах, когда жизнь казалась простой и безоблачной.

— Моя дорогая, — прошептала Виктория, — как же я успела соскучиться!

— Ты прибыла раньше! — Маргарет отстранилась, заглядывая в глаза кузине. В ее голубых глазах сияли слезы радости и счастья. — Как же я рада! Я так боялась, что корабль задержится, что погода испортится, что... — она засмеялась сквозь слезы, — но ты здесь! Ты здесь!

Виктория улыбнулась, вытирая влагу со щек.

— Здесь.

Маргарет перевела взгляд на Лукана, стоявшего позади Виктории с саквояжами, и улыбнулась ему.

— И вы, господин Лукан, — произнесла она, — благодарю вас за заботу о моей кухне. Я знаю, вы всегда рядом, и это меня очень успокаивает.

Лукан слегка поклонился, не выпуская багажа.

— Рад служить, леди Маргарет. Ваша кухня в надежных руках.

— Мне известно, что твой... — Маргарет запнулась, подбирая слово, и понизила голос, — дворецкий позаботился об аренде поместья. Я тебя понимаю, почему ты решила поселиться немного дальше от моего дома. Я сохранила твой приезд в тайне от тетушки. Не хочу, чтобы она знала.

— И правильно сделала, — с улыбкой ответила Виктория.

Маргарет оглянулась по сторонам, словно ожидая, что Эбигейл могла появиться из-за ближайшего тюка с товарами.

— Я боялась, что кто-нибудь из ее людей увидит меня на причале и донесет. Поэтому взяла только старую миссис Харрисон, — она кивнула в сторону пожилой компаньонки, которая терпеливо ждала в стороне. — Она глуховата и плохо видит. Идеальный спутник для тайных дел.

Виктория рассмеялась, и этот смех — первый настоящий смех за долгие недели — разорвал остатки напряжения.

— Идем, — сказала она, беря Маргарет под руку. — Покажем Лондону, что Астоны вернулись.

Карета, которую Лукан предусмотрительно заказал заранее, оказалась просторной и элегантной — темно-синий кузов с гербом Астонов, который, как шепнул Виктории Лукан, он «позаимствовал» у местной геральдической конторы за щедрую плату. Внутри было мягко, тепло, с бархатными подушками и небольшим столиком, на котором уже стояли чайник с горячим чаем и тарелка с печеньем.

Лукан помог дамам устроиться. Виктория и Маргарет сели лицом вперед, миссис Харрисон, пожилая компаньонка, заняла место напротив, рядом с Луканом, который погрузил багаж на крышу и теперь, устроившись в карете, держался с достоинством истинного джентльмена.

— Вы позволите, леди Маргарет? — спросил он, принимая у нее муфту и перчатки, которые она сняла, оказавшись в тепле.

— Конечно, господин Лукан, — ответила Маргарет, и щеки ее порозовели — то ли от тепла, то ли от смущения перед столь галантным дворецким.

Миссис Харрисон, пристроившись у окна, смотрела на проплывающие мимо улицы с вежливым, но отстраненным интересом. Она была глуховата, и громкая беседа молодых дам не слишком ее беспокоила.

Карета тронулась.

Маргарет тут же вцепилась в руку Виктории, словно боялась, что та снова исчезнет.

— Ты не представляешь, что здесь творилось после твоего отъезда! — затараторила она, не в силах сдерживать радость. — Лорд Ричард был в ярости. Он требовал, чтобы его допустили к королю, чтобы объявили тебя в розыск, чтобы

— Чтобы что? — спокойно спросила Виктория.

— Ничего не вышло, — усмехнулась Маргарет, понижая голос. — Его отец, герцог, велел ему успокоиться и не позорить семью. Сказал, что ты сбежала, значит, не заслуживаешь чести стать женой Фицроя. Лорд Ричард, конечно, обиделся, но перечить отцу не посмел.

Она помолчала, потом добавила тише:

— Но он все еще говорит о тебе. И все еще ищет.

Виктория взглянула на Лукана. Тот сидел напротив, с непроницаемым лицом, но в глазах его мелькнул знакомый хищный огонек.

— Пусть ищет, — холодно сказала графиня. — Мне есть что ему сказать, когда мы встретимся.

Миссис Харрисон, погруженная в свои мысли, смотрела в окно, не обращая внимания на разговор. Ее седые кудри, выбившиеся из-под чепца, слегка колыхались на сквозняке.

Карета выехала из портовых кварталов и покатила по узким, мощенным булыжником улицам Лондона. Виктория смотрела в окно, узнавая и не узнавая родной город...

Вот Лондонский мост, все такой же тесный, застроенный домами, нависающими над водой. Вот улица Стрэнд, где когда-то стоял дом ее деда. Вот Сент-Джеймский дворец, где король Георг принимал иностранных послов. Город изменился — выросли новые здания, появились новые вывески, новые лица. Но запах остался прежним: уголь, конский навоз, речная вода, свежая выпечка из лавок — все это смешивалось в тот особенный, лондонский аромат, который невозможно забыть.

— Лукан нашел для вас поместье в Челси, — продолжала Маргарет. — Говорят, там очень красиво. И далеко от центра, что, я думаю, только на пользу. Тетушка редко выезжает так далеко.

— А где находится твой дом? — спросила Виктория.

— В Мейфере, — ответила Маргарет. — Дом мужа. Точнее, будущего мужа, — поправились она, и щеки ее порозовели. — Он хороший, Виктория. Ты его полюбишь.

— Я верю, — мягко сказала Виктория.

Карета свернула с оживленной улицы на более тихую, обсаженную молодыми липами.

Дома здесь стояли просторные, с садами, отделенные от дороги коваными оградами. Челси в те годы был пригородом, где селилась знать, желавшая тишины и свежего воздуха.

Наконец экипаж остановился у высоких кованых ворот.

Лукан вышел первым, помог дамам спуститься. Виктория подняла глаза и замерла.

Поместье было двухэтажным, выстроенным из красного кирпича в георгианском стиле, который только входил в моду. Фасад отличался строгими пропорциями: высокие арочные окна, пилястры по бокам, изящный фронтон с лепным гербом (временным, как шепнул Лукан, но весьма убедительным). Входную дверь обрамляли две колонны, а над ней красовался изящный кованый балкончик.

Перед домом расстился небольшой, но ухоженный сад с подстриженными кустами самшита и дорожками, посыпанными гравием. За домом угадывался тенистый парк — несколько старых дубов и каштанов, за которыми, судя по всему, хорошо смотрели.

— Это... — Виктория обернулась к Лукану. — Это больше, чем я ожидала.

— Я старался, госпожа, — с легкой улыбкой ответил он. — Вы заслуживаете только лучшего.

Маргарет захлопала в ладоши, как ребенок.

— О, Виктория, здесь чудесно! Ты будешь жить как королева!

Виктория поднялась по каменным ступеням, и Лукан, опередив ее, распахнул тяжелую дубовую дверь.

Внутри было светло и просторно. Паркет из темного дуба, высокие потолки с лепниной, мраморный камин в гостиной, широкая лестница, ведущая наверх. Мебель, которую Лукан,

видимо, также предусмотрительно арендовал, была в тон — добротная, элегантная, не слишком новая, но безупречного вкуса.

— Здесь есть все необходимое, — сказал Лукан, проходя вперед. — Гостиная, столовая, библиотека, несколько спален. Слуги прибудут завтра утром, но я распорядился, чтобы дом был готов к вашему приезду. На кухне есть провизия, в погребе — вино.

— Ты подумал обо всем, — тихо сказала Виктория.

— О вас, госпожа, — поправил он. — Я думаю только о вас.

Маргарет, уже успевшая обежать гостиную, вернулась к ним, сияя.

— Виктория, это лучшее, что могло случиться! Мы будем видеться каждый день! Я покажу тебе все, что изменилось, познакомлю с друзьями!

— Обязательно, дорогая, но сначала дела, — мягко сказала Виктория.

Маргарет вздохнула и, ответив теплой улыбкой кивнула.

— Ты права, моя милая кузина. Как всегда.

Они прошли в гостиную, и Лукан, бесшумно удалившись, вернулся с подносом, на котором дымился серебряный чайник и стояли изящные фарфоровые чашки с золотым ободком — тончайший китайский фарфор, который Лукан, вероятно, успел приобрести еще в Лондоне до их приезда.

Виктория и леди Маргарет сели на изящный диванчик,

обтянутый бирюзовым велюром, с высокой резной спинкой в стиле королевы Анны. Маргарет махнула рукой своей компаньонке, стоявшей неподалеку, и та подала ей небольшую коробочку, обтянутую темно-синим бархатом. Глаза Маргарет горели нетерпением и радостью.

— Что это? — удивленно спросила Виктория.

— Милая сестра, я так ждала тебя, — Маргарет сделала паузу, и на ее глаза навернулись слезы. — Я никак не могу забыть ту историю с гребнем. Поэтому я приготовила тебе подарок. Никто, кроме меня и моего будущего мужа, о нем не знает, так что не волнуйся о его безопасности.

Она шмыгнула носом, вытерла слезу со щеки кончиком кружевного платочка, затем открыла коробочку и достала из нее шкатулку — небольшую, из розового дерева, с инкрустацией из перламутра. Крышка мягко щелкнула, открываясь.

Внутри шкатулки, на бархате цвета шампанского, лежал золотой гребень, украшенный крупными рубинами в старинной оправе. Рубины мерцали в свете камина, отбрасывая на стены алые блики. Рядом с гребнем покоились золотые серьги, также украшенные рубинами.

— Ох, какая красота! — восхищенно выдохнула Виктория, бережно беря в руки гребень. — Не стоило так сильно переживать из-за того гребня, Маргарет. Это было не твоей виной.

Она положила руку на плечо кузины, а затем крепко обняла ее.

— Не говори так, — прошептала Маргарет, уткнувшись в плечо сестры. — После того, что тогда произошло, я ночами долго не могла спать. Я все думала, что если бы ты успела им воспользоваться, если бы яд попал в кровь

— Но не попал, — мягко перебила Виктория, отстраняясь и заглядывая в глаза кузины. — Смотри, я здесь. Жива и здорова. И этот подарок, — она снова взглянула на гребень, — станет для меня самым дорогим.

— Правда? — Маргарет просияла.

— Правда.

Виктория нежно провела пальцем по носу кузины, заставляя ту рассмеяться сквозь слезы.

— Никогда не принимай так близко к сердцу то, что от тебя не зависит. Тем более такие «маленькие трагедии» с безделушками. У нас будут дела поважнее.

Маргарет кивнула, вытирая остатки слез, и взяла в руки чашку с чаем, которую Лукан бесшумно поставил перед ней.

Все это время дворецкий стоял в стороне, у камина, наблюдая за беседой двух сестер. На его лице не было привычной хитрой усмешки — только спокойная, почти умиротворенная внимательность. Девушки пили чай, смеялись, вспоминали детство, обсуждали предстоящую свадьбу, и время летело незаметно.

Когда наступил час обеда, Лукан бесшумно удалился на кухню. Леди Маргарет была восхищена тем, как дворецкий справляется с приготовлением — запеченная курица с тра-

вами, нежный крем-суп, свежий хлеб и изысканный десерт из засахаренных фруктов ничуть не уступали лучшим лондонским поварам.

— Твой дворецкий — настоящее сокровище, — заметила Маргарет, отставляя тарелку. — Где ты только такого нашла?

— В России, — улыбнулась Виктория. — Случайно. И не прогадала.

Лукан, стоявший у двери, чуть заметно склонил голову, принимая комплимент.

После обеда Маргарет в сопровождении миссис Харрисон покинула поместье. У крыльца ее ждала карета, присланная будущим мужем — темно-зеленая, с гербом его семьи. Маргарет обняла Викторию на прощание так крепко, словно боялась снова потерять.

— Послезавтра я приеду снова, — пообещала она. — Знакомлю тебя с лордом Уильямом. Ты должна его одобрить.

— Обязательно, — улыбнулась Виктория. — Ступай, скоро начнет темнеть.

Карета тронулась, и Маргарет еще долго махала рукой в окно, пока экипаж не скрылся за поворотом.

Лукан проводил Викторию на второй этаж, в ее новую комнату.

Она оказалась просторной, с высокими потолками и двумя большими окнами, выходящими в сад. За окнами постепенно сгущались сумерки, и последние лучи заходящего солнца золотили верхушки старых дубов.

Пол был выложен темным дубовым паркетом, натертым до блеска. Стены, обитые бледно-голубым штофом с серебристым узором, придавали комнате воздушность и свет. В углу стоял массивный платяной шкаф из красного дерева с резными ножками, рядом — изящный туалетный столик с овальным зеркалом в золоченой раме. На столике уже были расставлены флаконы, которые Лукан предусмотрительно выставил из ее дорожных вещей.

В центре комнаты возвышалась кровать под балдахином из тяжелого голубого бархата с серебряной бахромой. Постельное белье было свежим, пахнущим лавандой, а на подушках лежал небольшой букет сухих цветов — еще одна маленькая забота дворецкого.

У камина, в котором уже весело потрескивал огонь, стояли два глубоких кресла, обитых темно-синим бархатом, и небольшой столик между ними. На столике горела свеча, отбрасывая на стены теплые, уютные блики.

— Надеюсь, вам здесь будет удобно, госпожа, — тихо произнес Лукан, ставя последний саквояж у стены.

— Здесь прекрасно, — ответила Виктория, обводя комнату взглядом. — Ты подумал обо всем.

— Я старался, — скромно ответил он. — Ванная комната — в конце коридора, слева. Я распорядился, чтобы воду грели по утрам и вечерам. Если вам что-то понадобится, достаточно позвать.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

— Графиня, — сказал он, не оборачиваясь, — вы сегодня много смеялись. Это хорошо.

— Ты считаешь? — Виктория опустилась в кресло у камина.

— Я знаю, — ответил Лукан. — Ваш смех... он меняет всё. Он вышел, бесшумно притворив за собой дверь.

Виктория осталась одна. Она смотрела на пламя в камине, на пляшущие тени, и думала о том, как странно устроена жизнь. В России она нашла убежище, а в Англии — надежду. И где-то между ними — демона, который заботится о ней лучше любого человека.

Затем Виктория поднялась с кресла, взяла с туалетного столика золотой гребень, подаренный Маргарет, и провела пальцами по холодным, гладким камням.

— Рубины, — прошептала она. — Как ликорис. Как кровь.

Внизу, в гостиной, Лукан задержался у камина, глядя на огонь.

Он поправил манжеты, стряхнул невидимую пыль с камзола и направился на кухню, проверять, все ли готово к завтрашнему дню.

В доме было тихо. Только старые часы в холле мерно отсчитывали секунды, да ветер за окном тихо шелестел молодыми листьями на деревьях.

Ночь вступала в свои права.

Глава 2 Смущенная графиня

После принятия горячей ванны Виктория еще некоторое время сидела в кресле у камина, дожидаясь, пока уйдет влага с волос. Тепло разливалось по телу, расслабляя мышцы, уставшие после долгой дороги. Пламя в камине тихо потрескивало, отбрасывая на стены уютные, пляшущие тени.

Когда волосы почти просохли, она взяла подаренный кухиной гребень и медленно, с наслаждением расчесала тяжелые темные пряди. Рубины в старинной оправе мягко поблескивали в свете камина, играя сочными алыми бликами.

Наконец, отложив гребень на туалетный столик, Виктория легла в постель.

Мягкая кровать, способная уместить на себе десять человек, свежее белье, пахнущее лавандой, тишина и покой — казалось, уставшая в столь долгом пути графиня должна была уснуть мгновенно. Но нет.

Сон не шел.

Виктория то и дело ворочалась в кровати, то куталась в одеяло, то зажимала его между ног, то раз за разом переворачивала подушки, пытаясь найти удобное положение. Тени на стенах казались ей то знакомыми силуэтами, то странными, пугающими образами. Где-то в доме скрипнула половица, и сердце на мгновение пропустило удар.

— Да что же это такое? — проворчала Виктория, глядя

на прогорающий камин, в котором остались лишь тлеющие угли.

Она откинула одеяло, накинула теплый халат из темно-синего бархата, и, взяв с туалетного столика подсвечник с одинокой свечой, отправилась бродить по поместью.

Свеча дрожала в ее руке, отбрасывая на стены причудливые тени. Виктория медленно шла по длинному коридору второго этажа, разглядывая картины, висевшие на стенах. Старые полотна в тяжелых золоченых рамах изображали лесные пейзажи и старые английские улицы. Такие знакомые и одновременно чужие.

Она открыла несколько дверей и заглянула внутрь. В одной комнате стояла старинная кровать под балдахин, затянутая чехлами. В другой — письменный стол и пустые книжные шкафы. В третьей — небольшой клавесин, покрытый пылью, словно его не трогали годами.

Днем осмотреть поместье как следует она не смогла — слишком была увлечена долгожданной встречей с кузиной. Но теперь, когда сон бежал от нее прочь, самое время было восполнить упущенное.

Виктория неспешно обошла второй этаж. Помимо спален она нашла кладовую, забитую старой мебелью и сундуками, небольшую гостиную с камином, в котором давно не горел огонь, и кабинет с большим письменным столом из красного дерева и книжными шкафами, на полках которых, впрочем, не было ни одной книги.

— Лукан явно не успел заполнить их, — прошептала она, проводя пальцем по пустой полке. — Надо будет напомнить.

Затем Виктория медленно спустилась на первый этаж.

В гостиной, где она провела почти весь день, все еще плясал огонь в камине — поленья, видимо, кто-то подбросил незадолго до ее появления. Она остановилась на пороге, окидывая комнату взглядом, наслаждаясь теплом и уютом.

И вдруг в коридоре раздались шаги.

Виктория вздрогнула. Сердце заколотилось где-то в горле. Она не хотела, чтобы ее ночную прогулку кто-то застал — особенно Лукан, который потом будет смотреть на нее с той самой понимающей, чуть насмешливой улыбкой.

Она быстро затушила свечу, «задув» пламя одним движением руки, и скользнула за массивный шкаф, стоявший у стены. Рядом с ним возвышался огромный горшок с фикусом, чьи темные листья надежно скрывали ее от посторонних глаз.

Выглянув из-за шкафа, она увидела Лукана.

Он, видимо, только что вышел из ванной. Волосы его были влажными, темные пряди прилипли к вискам и затылку. На нем было лишь белоснежное полотенце, обернутое вокруг бедер. Он направлялся к камину — к тому самому, у которого всего мгновение назад стояла Виктория.

Она замерла, не в силах отвести взгляд.

Безупречный торс, широкие плечи, крепкие, но не перекачанные мышцы — все это Лукан обычно скрывал под без-

упречными камзолами и рубашками. Теперь же она видела его таким, каким его не видел никто. Мраморная белая кожа, казалось, светилась в отблесках камина, без единого изъяна, без шрамов, без следов времени — словно его тело было высечено из цельного куска самого совершенного камня.

Виктория с трудом оторвала взгляд от его фигуры — и только потому, что Лукан вдруг потянулся к краю полотенца, собираясь снять его, чтобы вытереть волосы.

Графиня не только отвернулась — она прикрыла глаза рукой, словно боясь, что он каким-то образом почувствует ее взгляд сквозь стену.

«Что я тут делаю? — лихорадочно думала она. — А если он меня обнаружит? Что я ему скажу?»

Она опустила руку и уставилась на потушенную свечу в подсвечнике, боясь пошевелиться.

В голове была пустота, а сердце колотилось так, что, казалось, его стук вот-вот разбудит весь дом.

Выждав немного, Виктория прислушалась.

Тишина.

Она осторожно выглянула из-за шкафа.

— Что он там, уснул, что ли? — прошептала она себе под нос.

У камина никого не было. Лукан буквально исчез.

Виктория вздохнула с таким облегчением, что едва не рассмеялась вслух. И тут же поняла: сон наконец пришел. Та самая сладкая, неодолимая усталость разлилась по телу, и гла-

за начали слипаться.

Она поспешила к себе, уже не зажигая свечи — глаза привыкли к темноте, и лунный свет, проникавший сквозь окна, серебристыми дорожками освещал путь.

Вернувшись в свою комнату, она обнаружила, что в камине вновь горит огонь. Кто-то подбросил свежих дров, и пламя весело лизало поленья, разгоняя ночной холод.

Виктория улыбнулась. Лукан уже был здесь. Позаботился о ней, даже не зная, что она бродит по дому.

Она легла в кровать, натянула одеяло до самого подбородка и, обняв подушку, закрыла глаза. В голове все еще мелькали образы: мраморная кожа, сильные руки, белоснежное полотенце, огонь в камине, отблески на его лице

— Глупости, — прошептала она в подушку. — Просто глупости.

Но на губах ее застыла улыбка.

Сон пришел быстро — мягкий, теплый, без сновидений.

Свет ворвался в комнату так же быстро, как и сон после ночной прогулки. Лукан одним взмахом раздвинул тяжелые шторы, впуская в спальню потоки утреннего солнца, и с самодовольной улыбкой повернулся к графине.

Виктория с трудом открывала глаза, шурилась от яркого света, а потом и вовсе с головой укуталась в одеяло.

— Просыпайтесь, госпожа! — бодро сказал Лукан, направляясь к кровати. — Это ваше первое утро в Англии спу-

стя больше чем полгода.

Он взял в руки изящный фарфоровый чайничек с горячим молоком и принялся наливать его в кружечку с золотым ободком.

— Ах, дай мне еще немного полежать, — лениво протянула Виктория из-под одеяла. — Я понимаю, что работа не ждет, просто я... так долго не могла уснуть

— И правда, — с самодовольной улыбкой промурлыкал Лукан, — пол ночи изучали поместье.

Глаза Виктории распахнулись. Сон как рукой сняло. Она резко приподнялась в кровати, удерживая одеяло на груди.

Лукан, уже наливший молоко в кружку, приложил ко рту кулак и едва слышно усмехнулся.

— И ничего я не изучала! — возмутилась Виктория, и щеки ее предательски залились румянцем. — С чего ты вообще это взял?

— И правда... — протянул Лукан, протягивая ей кружку. — Только почему вы так покраснелись?

Он подал кружечку госпоже, сделал шаг назад и невинно приложил ладонь в белоснежной перчатке к щеке, изображая глубокую задумчивость.

— Ничего я не краснела! — Виктория старалась говорить строго, но голос предательски дрогнул. — С чего ты это взял?

— Да так, ни с чего. Просто предположение

— Предположение? — Виктория отпила молоко и поста-

вила кружку на прикроватную тумбу.

— Просто я лег спать достаточно поздно, — невозмутимо продолжил Лукан. — После полуночи я был в гостиной у камина и отчетливо чувствовал запах воска. Казалось, кто-то только что затушил свечу

— Ты говорил, слуг нанял, — не сдавалась Виктория, стараясь придать голосу спокойствие. — Видимо, им и не спалось.

— Точно... — Лукан наигранно задумался. — Странно, что я об этом не подумал. Должно быть, это был кто-то из прислуги. Тот, кто прятался за шкафом...

Виктория вспыхнула еще сильнее, но нашла в себе силы посмотреть на него с ледяным спокойствием.

— Ладно. Я хочу принять ванную и переодеться. Оставьте меня одну.

— Как прикажете, госпожа.

Лукан поклонился с той самой безупречной грацией, которая была ему свойственна, и покинул комнату, бесшумно притворив за собой дверь.

Виктория осталась одна. Она перевела дух, прижимая ладонь к груди, где бешено колотилось сердце.

— Неужели он знал о моем присутствии? — прошептала она, и лицо ее вновь залилось краской.

Она откинулась на подушки и уставилась в потолок, пытаясь унять смущение.

— И зачем я только туда пошла? — проворчала она себе

под нос. — Надо было просто лежать в кровати и спать.

Но где-то в глубине души она знала: даже если бы ей предложили вернуться в прошлую ночь, она снова пошла бы туда. Снова спряталась за шкаф. Снова увидела его.

Более того, Лукан подыграл ей. Ведь прислуга должна была прибыть только утром, а это значит, что он знал — в доме никого нет, кроме них двоих. Знал и все равно вышел в гостиную полуобнаженным, да еще и подбросил дров в камин, чтобы она точно его заметила.

Виктория сердито отбросила одеяло и направилась в ванную, стараясь не думать о том, что произошло.

Но мысли упрямо возвращали ее к мраморной коже, к влажным волосам, к отблескам камина на его лице.

— Глупости, — сказала она своему отражению в зеркале. — Просто глупости.

Отражение смотрело на нее с той же смесью смущения и решимости, что она чувствовала внутри себя.

Лукан спустился вниз и застал на кухне молодую девушку — Мэри, которую он нанял на время пребывания в Лондоне. На вид ей было около двадцати лет, с рыжеватыми волосами и веснушчатым лицом, одета в скромное серое платье и белоснежный передник. Рядом с ней хлопотал пожилой мужчина по имени Томас, который должен был помогать по хозяйству и выполнять поручения.

Мэри, увидев Лукана, покраснела и принялась усердно

протирать и без того чистую столешницу. Томас же, человек бывалый, спокойно кивнул и продолжил возиться с кастрюлями.

— Доброе утро, — сказал Лукан, завязывая фартук. — Госпожа проснулась. Скоро спустится. Как продвигается завтрак?

— Всё готово, сэр, — ответил Томас, снимая пробу с соуса. — Яйца, бекон, свежий хлеб, только что из печи. Мэри сварила кофе.

— Отлично. — Лукан взялся за тесто для пирожных, которые Виктория любила по утрам.— Сегодня у нас важный день. Госпожа будет знакомиться с домом, возможно, понадобится помощь с разборom оставшихся вещей.

— Мы всё сделаем, сэр, — выпалила Мэри, покраснев еще сильнее.

Лукан едва заметно улыбнулся.

Виктория грациозно спустилась по лестнице, окинула взглядом окружающую обстановку и направилась в столовую. Лукан уже ожидал ее у накрытого стола. Белоснежная скатерть, серебряные приборы, фарфоровые тарелки с тончайшим золотым ободком — все было продумано до мелочей.

Он отодвинул стул, приглашая графиню садиться, затем налил ей горячий кофе из изящного серебряного кофейника. Аромат свежего напитка наполнил комнату, смешиваясь с

запахом свежее испеченного хлеба и бекона.

Виктория взяла вилку и нож и принялась нарезать яичницу. Отрезав кусочек, она украдкой кинула взгляд на Лукана. Тот, заметив это, самодовольно ухмыльнулся, отодвинул стул и сел по правую руку от графини.

— И как вам? — спросил Лукан, отпивая кофе из своей кружки.

Виктория едва не поперхнулась.

— О чем ты?

— Вы так покраснелись... — он сделал паузу, наслаждаясь ее смущением. — Хотел было услышать вашу оценку.

Лукан отставил кружку в сторону и облокотился на обе руки, всем своим видом показывая, что никуда не торопится.

— Ты издеваешься? — Виктория строго взглянула на него, отложила столовые приборы и скрестила руки на груди.

— Ни в коем случае, госпожа, — с наигранной невинностью ответил он. — Я лишь хочу услышать ответ на свой весьма скромный вопрос.

— К чему ты клонишь?! — не сдавалась Виктория, чувствуя, как щеки заливаются предательским румянцем.

— Ночью в гостиной вы так долго на меня смотрели, — произнес Лукан, и голос его стал тише, почти мурлыкающим. — Оторвали глаза лишь когда я

— Прекрати! — Виктория встала из-за стола, едва не опрокинув стул.

Она кинула гневный взгляд на Лукана и спешно направи-

лась к лестнице. Обернувшись через плечо, она убедилась, что он не следует за ней. Однако, как только она повернулась обратно к лестнице, Лукан уже стоял перед ней — бесшумный, как тень, невозмутимый, с той самой хитрой улыбкой на губах.

— Я вас чем-то обидел? — тихо спросил он.

— Не нужно делать вид, что тебя это цепляет, — проворчала Виктория, стараясь говорить как можно более равнодушно, но голос предательски дрожал.

Она обошла дворецкого и поднялась вверх по лестнице. Дойдя до своей комнаты, она вновь обернулась. Его не было.

Виктория вздохнула с облегчением, вошла в комнату и закрыла дверь изнутри, прислонившись к ней спиной.

— Вот черт, — прошептала она.

Она осталась одна. Подойдя к туалетному столику, Виктория всмотрелась в свое отражение и никак не могла понять, почему его вопрос так ее зацепил. Почему она так бурно отреагировала? Ведь могла ответить равнодушно — и он бы сразу отстал.

— Ну же, Виктория, — сказала она своему отражению. — Соберись. Подумаешь, голый мужчина. Что в этом такого?!

Она приложила ладони к щекам. Жар постепенно отступал, и цвет лица возвращался к привычному, благородному оттенку.

— Так-то лучше. — Она выпрямилась, поправила сбившуюся прядь. — Осталось подобрать наряд для прогулки.

Графиня подошла к огромному массивному шкафу из темного дуба, который Лукан уже успел заполнить ее вещами, и принялась осматривать одежду. Сегодняшний день она хотела посвятить прогулке — впервые за долгое время просто гулять без дела, вдыхать лондонский воздух, смотреть на знакомые с детства улицы.

«Больше он к этой теме не должен вернуться...» — думала про себя Виктория, перебирая платья.

А может, просто успокаивала сама себя.

Она остановила выбор на темно-синем платье из тонкой шерсти — наряд, достаточно строгий для прогулки, но с изящной вышивкой серебряной нитью по вороту и рукавам.

Платье было сшито по последней парижской моде: лиф плотно облегал фигуру, юбка мягко расширялась к низу, не требуя громоздких фижм. К нему полагалась короткая накидка из того же материала, отороченная мехом, и изящная шляпка с вуалью.

Виктория провела пальцами по гладкой ткани, вспоминая, как в России она носила более теплые наряды, как привыкла к русским морозам и пушистым снегам. А теперь снова Англия, с ее сырым ветром и капризным солнцем.

— Ничего, — сказала она себе. — Я здесь ненадолго. Только разберусь с делами и вернусь.

Она сняла платье с вешалки и аккуратно разложила на кровати, готовясь к выходу.

Внизу, в столовой, Лукан убирал со стола. Он двигался

бесшумно, но мысли его были далеко. На губах его играла легкая, самодовольная улыбка.

«Интересно, сколько времени ей понадобится, чтобы успокоиться? — думал он. — И сколько — чтобы признаться себе, что ей было приятно на меня смотреть?»

Он усмехнулся и понес посуду на кухню, где всю хлопотали Мэри и Томас.

— Госпожа скоро выйдет, — объявил он. — Приготовьте все к прогулке. Карету подадите через час.

— Слушаемся, сэра, — ответил Томас.

День обещал быть насыщенным и интересным.

Глава 3 Тени прошлого

Виктория вышла из поместья в сопровождении Лукана, на которого она старалась даже не смотреть. Тот же едва скрывал ухмылку, но держался с безупречной учтивостью, подавая госпоже руку, чтобы помочь сесть в карету.

Они устроились напротив друг друга, и карета тронулась, мягко покачиваясь на мощеных улицах Челси. Виктория смотрела в окно, делая вид, что целиком поглощена видами. Лукан сидел с непроницаемым лицом, но в уголках его губ все еще таилась легкая, едва заметная улыбка.

— Куда мы едем? — спросила Виктория, не оборачиваясь.

— На Ковент-Гарден, — ответил Лукан. — Я подумал, что вам будет приятно прогуляться там, где когда-то так часто бывали. К тому же, там всегда много народу, и можно незаметно послушать, что говорят в городе.

Виктория не ответила, но взгляд ее оживился. Ковент-Гарден. Место, где когда-то она с родителями ходила на представления, где торговали цветами и фруктами, где собирались актеры, писатели и те, кто хотел быть в курсе всех новостей.

Карета выехала на более широкую улицу, и город предстал перед ними во всей своей утренней красе. Солнце, наконец пробившееся сквозь облака, заливало Лондон теплым золо-

тистым светом. Дома из красного кирпича, выстроившиеся ровными рядами, сияли чисто вымытыми окнами. Улицы были полны жизни: экипажи сновали туда-сюда, торговцы зазывали прохожих, лакеи в ливреях спешили с поручениями.

Люди были одеты по-весеннему, но по-лондонски основательно. Мужчины в темных сюртуках и треуголках, с тростями в руках, неторопливо прогуливались по тротуарам. Дамы в легких шерстяных платьях, поверх которых были накинуты короткие пелерины или кашемировые шали, шли под руку с кавалерами. Детей в нарядных костюмчиках вели гувернантки в строгих серых платьях и белых чепцах.

Карета въехала на Ковент-Гарден и остановилась у края площади. Виктория попросила кучера подождать и вышла.

Площадь Ковент-Гарден была в этот час полна жизни и красок. В центре возвышалась церковь Святого Павла — та самая, которую называли «актерской церковью», потому что ее прихожанами были многие театральные знаменитости. Ее портик с мощными колоннами встречал входящих величественной тенью, а за ним, на площади, кипела совсем иная, пестрая и шумная жизнь.

Здесь торговали всем, что только можно вообразить. Цветочницы в больших соломенных шляпах предлагали букеты свежих роз, гвоздик и лилий, их корзины были полны ярких красок, а воздух над ними стоял густой, сладкий. Продавцы

фруктов выкрикивали цены на яблоки, груши, апельсины, привезенные из Испании, и редкие в это время года клубнику и вишню. Торговки зеленью в полосатых передниках, с коробами, полными петрушки, щавеля и молодого лука, переругивались с покупательницами, сбивая цену.

Чуть поодаль расположились ремесленники. Старьевщик расхваливал поношенные камзолы и кружевные манжеты, уверяя, что они принадлежали самому лорду такому-то. Лудильщик с ожерельем из медных кастрюль на шее зазывал прохожих починить посуду. Писарь в засаленном парике сидел за складным столиком и предлагал свои услуги всем, кто не умел писать сам.

Но больше всего народу собиралось у театральных афиш. Несколько человек в потертых плащах и шляпах с широкими полями — актеры, не имевшие ангажемента, или, может быть, просто любители — обсуждали достоинства новой пьесы, только что поставленной в театре на Друри-Лейн. Кто-то утверждал, что главная актриса «недурна собой», кто-то спорил о достоинствах стиха.

Виктория остановилась послушать, и в глазах ее мелькнула легкая усмешка.

— Не изменилось, — тихо сказала она. — Все те же споры о театре, все те же продавцы, все те же запахи.

— Вам нравится? — спросил Лукан, стоя чуть позади, как и подобает дворецкому.

— Да, — ответила она. — Здесь чувствуется жизнь. Не та,

что во дворцах и гостиных, а настоящая. Люди здесь говорят то, что думают, не боясь быть непонятыми.

Она прошла дальше, к рядам, где торговали книгами. Букинисты раскладывали свои товары прямо на прилавках или даже на расстеленных на земле одеялах. Здесь можно было найти все: от дешевых памфлетов до дорогих фолиантов в кожаном переплете. Виктория взяла в руки одну книгу, полистала, поставила на место.

— Ищете что-то конкретное? — спросил Лукан.

— Нет, — ответила она. — Просто смотрю.

Она остановилась у лотка, где торговали гравюрами. На одной из них был изображен портрет молодого человека в военном мундире. Что-то в его лице показалось ей знакомым.

— Кто это? — спросила она у продавца.

— А, это князь Голицын, — охотно ответил тот. — Русский вельможа, что пропал в Лондоне полгода назад. Гравюры эти для тех, кто его ищет. Родственники, видать, богатые, платят хорошо. — Он понизил голос. — Говорят, его видели в портовых тавернах, точно не знаю, но поговаривают, что он в долги влез и сбежал. Однако кто ж его знает, где правда, а где ложь?

Виктория взяла гравюру, внимательно всмотрелась в лицо.

— Сколько? — спросила она.

— Для вас, миледи, за пять шиллингов, — с готовностью

ответил торговец.

Виктория кивнула Лукану, и тот расплатился.

Они отошли от лотка, и Виктория снова взглянула на портрет.

— Похож на человека, который что-то скрывает, — тихо сказала она. — Или на того, кто боится.

— Или на того, кто знает, что его ищут, — добавил Лукан.

Виктория спрятала гравюру в ридикюль и оглядела площадь.

— Мы здесь не случайно, — сказала она. — Ты знал, что здесь будут продавать эти гравюры.

— Я догадывался, — скромно ответил Лукан. — Такие вещи всегда появляются там, где много народу. И там, где говорят.

Она посмотрела на него долгим взглядом, и впервые за сегодняшнее утро в ее глазах не было смущения — только спокойная, твердая решимость.

— Что ж, — сказала она. — Первая ниточка у нас есть.

Она повернулась и направилась обратно к карете, но на полпути остановилась.

— Лукан, — позвала она.

— Да, госпожа?

— Хочу посетить парк. Сент-Джеймский. Я там бывала с матушкой, когда была ребенком. Хочу посмотреть, как он выглядит теперь.

— Как скажете, госпожа, — поклонился Лукан.

Карета въехала в парк через массивные кованые ворота, и городской шум остался позади. Сент-Джеймский парк был одним из старейших в Лондоне, и здесь всегда былолюдно, но не так шумно, как на Ковент-Гарден.

Солнце заливало зеленые луга теплым золотистым светом, и в воздухе пахло свежей травой, цветущими каштанами и сырой землей. Узкие дорожки, посыпанные гравием, вились между аккуратно подстриженными газонами и клумбами, на которых уже распустились первые тюльпаны и нарциссы.

В центре парка сверкало озеро, на котором грациозно скользили лебеди и утки. Дети в нарядных костюмчиках с визгом бегали по берегу, бросая птицам хлебные крошки, а их гувернантки в строгих серых платьях и белых чепцах чинно сидели на скамьях, не спуская с подопечных глаз.

Публика здесь собралась пестрая. Ближе к северной стороне парка, где из-за деревьев уже виднелись кирпичные башни Сент-Джеймского дворца, прогуливались придворные и знатные особы. Дамы в платьях из тяжелого шелка с широкими юбками и фижмами, в маленьких шляпках с перьями или кружевными вуалями, важно шествовали под руку с кавалерами в темно-зеленых или синих камзолах с серебряным шитьем, при шпагах и в высоких сапогах. Их волосы, уложенные в сложные прически, лишь слегка тронула пудра — в Лондоне предпочитали более естественную моду,

чем при французском дворе.

Чуть поодаль, в тени старых дубов, расположились те, кто пришел в парк не ради показательных прогулок, а для отдыха. Молодые люди в простых сюртуках и круглых шляпах сидели на траве, читая газеты или о чем-то увлеченно споря. Художник в берете рисовал с натуры старый дуб, привлекая внимание прохожих своим сосредоточенным видом. Пожилая дама в скромном коричневом платье и соломенной шляпке кормила голубей, и птицы облепили ее с ног до головы, заставляя ее тихо смеяться.

Виктория вышла из кареты и глубоко вдохнула знакомый с детства воздух.

— Здесь почти ничего не изменилось, — тихо сказала она, оглядываясь.

— Только дворец стал еще заметнее, — заметил Лукан, кивая в сторону кирпичных башен, возвышавшихся за деревьями.

Виктория проследила за его взглядом.

— Сент-Джеймский дворец, — сказала она. — Здесь теперь живет король Георг. Я помню, как матушка водила меня смотреть на королевские выезды. Мы стояли вот здесь, у ограды, и ждали, когда карета с королем проедет по Мэллю.

— Хотите подойти ближе? — спросил Лукан.

— Нет, — ответила Виктория. — Я пришла сюда не за королевскими почестями. Я пришла вспомнить.

Она прошла по аллее, где когда-то бегала с мячом, пока

отец учил ее играть в крикет. Вот скамейка, на которой мама любила сидеть с книгой, пока маленькая Виктория кормила уток. Вот старый дуб, под которым она пряталась от дождя.

— Вы грустите? — тихо спросил Лукан, идя чуть позади.

— Нет, — ответила Виктория. — Вспоминаю. И понимаю, что не все в этой жизни проходит бесследно. Некоторые места хранят память, даже когда людей уже нет.

Она остановилась у кованой ограды, за которой расстился луг, где паслись олени. Знакомая картина, почти не изменившаяся за годы.

— Я была здесь совсем ребенком, — сказала она. — Мама водила меня смотреть на оленей. Я тогда думала, что это волшебный лес, а олени — сказочные создания.

— А теперь? — спросил Лукан.

— А теперь я знаю, что волшебство существует, — ответила Виктория, и в голосе ее прозвучала легкая усмешка. — Просто оно выглядит иначе, чем я думала в детстве.

Лукан подошел немного ближе к Виктории и устремил взгляд на пасущихся оленей, как вдруг позади них послышались приближающиеся шаги.

В груди Виктории что-то екнуло — то странное, тревожное предчувствие, когда нутро сжимается в ожидании неизбежного. Она медленно обернулась.

Буквально в метре от нее остановился лорд Ричард Джеймс Фицрой.

Высокий, темно-русый, с хитрыми карими глазами, в ко-

торых сейчас читалась плохо скрываемая буря. Густые брови сошлись на переносице, придавая лицу суровое, почти гневное выражение, но аристократичные черты оставались безупречными — точеный нос, волевой подбородок, четкая линия скул. Кожа была ровной, светлой, без единого изъяна — удел тех, кто никогда не знал нужды и тяжелого труда.

Одет он был с той особой элегантностью, что отличала лондонскую знать от континентальной. Темно-серый сюртук из тонкой шерсти, сшитый по последней моде, сидел на нем безупречно, подчеркивая широкие плечи и узкую талию. Под сюртуком — жилет из серебристо-серого шелка, расширенный тонкими темными нитями, и белоснежная рубашка с высоким воротником, из-под которого выглядывал аккуратно завязанный галстук. Брюки, такие же темно-серые, плотно облегли ноги и были заправлены в высокие сапоги из черной кожи, начищенные до зеркального блеска.

На руках — тонкие кожаные перчатки цвета слоновой кости, на большом пальце правой руки — массивный перстень с фамильным гербом, вырезанным на темно-синем сапфире. В левой руке он держал трость из черного дерева с набалдашником из слоновой кости — не столько для опоры, сколько для демонстрации статуса.

— Поверить не могу, — начал тихо Ричард Фицрой, и в голосе его слышалась смесь гнева, боли и удивления. — Моя сбежавшая невеста.

Он перевел взгляд на Лукана, стоявшего чуть позади Вик-

тории. В его карих глазах вспыхнула холодная, колючая ненависть. Он смотрел на Лукана так, словно взглядом пытался вонзить в него сотню невидимых кинжалов.

— Здравствуй, Ричард, — спокойно произнесла Виктория, и на ее губах заиграла легкая, непринужденная улыбка, которая, казалось, только разожгла гнев графа.

— Просто «здравствуй»? — Фицрой сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними. — Вот так, спокойно? После всего, что было?

Он снова перевел взгляд на Лукана, а затем обратно на Викторию.

— Кто он?

— Мой дворецкий, — ответила Виктория. — Моя тень. Лукан Теневин.

Лукан слегка поклонился, не сводя с графа внимательного взгляда.

— Здравствуйте, господин Фицрой.

Однако тот даже не взглянул на него. Все его внимание было приковано к Виктории.

— Почему ты уехала? — Фицрой сделал еще один шаг, и теперь они стояли так близко, что Виктория чувствовала его дыхание. — Ты даже не представляешь, сколько боли причинила мне этим поступком. Я места себе не находил. Виктория

Он протянул руку к ее лицу, намереваясь нежно коснуться щеки. Но Виктория, словно предугадав его движение, от-

ступила на шаг, оказавшись ближе к Лукану.

— Ты забываешься, Ричард, — строго сказала она, и в голосе ее зазвенел холодный металл. — Мы сейчас находимся в парке, где много людей. Не нужно забывать о приличиях. Более того, я уже не являюсь твоей невестой.

Рука Фицроя повисла в воздухе. Он опустил ее, но взгляд стал еще жестче.

— Где ты остановилась? — спросил он, и голос его из мягкого переменялся на требовательный, почти приказной. — Ты ведь приехала на свадьбу кузины. И приехала гораздо раньше. О твоём приезде, судя по всему, никто даже не знает.

Лукан, стоявший чуть поодаль, внимательно наблюдал за графом. В его синих глазах зажглись знакомые хищные искорки. Он понимал: Фицрой не из тех, кто отпускает так просто. Он будет искать. Он найдет. И это значило только одно — ухо нужно держать востро.

— Прошу тебя, Ричард, — сказала Виктория, и голос ее был спокоен, но тверд. — Не нужно меня засыпать вопросами. Мы с тобой обязательно поговорим, но гораздо позднее. Не ищи меня. Я дам тебе знать, где и когда мы встретимся.

Она кивнула Лукану.

— Лукан?

Они развернулись и направились к карете.

— Виктория Астон! — крикнул Фицрой и поспешил за ней.

Он схватил ее за руку, резко развернув к себе. Мимо проходившая пожилая пара обернулась, с любопытством наблюдая за сценой.

Лукан мгновенно оказался рядом. Он взял руку графа и сжал ее с такой силой, что тот вздрогнул. Лукан посмотрел на него тяжелым, ледяным взглядом — тем самым, от которого у Виктории когда-то бежали мурашки по коже. Взглядом, в котором не было ничего человеческого.

Фицрой на мгновение замер, чувствуя, как по спине пробегают немыслимый холод. Пальцы его разжались сами собой.

Лукан отпустил его руку, и они с Викторией быстро зашагали к карете.

— Поспешим, — тихо сказала Виктория, не оборачиваясь. — Не хочу здесь больше находиться.

Лукан помог ей сесть в экипаж и, прежде чем закрыть дверцу, бросил быстрый взгляд на графа. Тот стоял на том же месте, провожая их взглядом, полным ненависти и боли.

Когда карета скрылась за поворотом, Фицрой подозревал своего камердинера, ждавшего в тени деревьев.

— Следуйте за ними, — приказал он, не оборачиваясь. — Выясните, где она остановилась. И побыстрее. Я не люблю ждать.

Камердинер молча поклонился и исчез в толпе гуляющих. Фицрой проводил его взглядом, затем развернулся и направился к своей карете.

— Что скажете о вашем бывшем женихе? — спросил Лукан, усаживаясь напротив. Хоть он и догадывался, каков будет ответ, но все же решил уточнить.

— Лорд Ричард Фицрой, граф Сассекский, — ответила Виктория, откидываясь на спинку сиденья. — И он опасен.

— Я заметил, — кивнул Лукан.

— Потому и не хочу, чтобы он знал, где я живу, — сказала Виктория. — По крайней мере пока.

Карета тронулась, увозя их прочь от парка, от королевского дворца, от случайных встреч и старых обид.

— Он будет искать, — заметил Лукан.

— Пусть, — холодно ответила Виктория. — Нам есть о чем с ним поговорить, однако это будет гораздо позднее.

Она отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

Настроение графини было подобно тучам, которые постепенно начали закрывать лондонское небо. Солнце, еще час назад такое щедрое, теперь пряталось за свинцовыми облаками. Началась мелкая морось — та самая, лондонская, противная изморось, которая проникала под одежду и заставляла зябко кутаться в накидку.

По прибытии в поместье Виктория первым делом сменила промокшую одежду и спустилась в гостиную. На ней было

платье из тяжелого бордового бархата, сшитое по последней парижской моде, но с той особенной элегантностью, которая отличала истинную аристократку.

Камин уже горел, разгоняя сырость и наполняя комнату уютным теплом.

Лукан подал ей горячий чай.

— Индийский чай с бергамотом, — объявил он. — А также, сегодня я решил вас порадовать сливочным пирожным, украшенным наисвежайшей клубникой.

— Прекрасно, — ответила Виктория, принимая чашку.

Она пила чай, отламывала ложечкой кусочки пирожного и всячески отгоняла от себя мысли о несостоявшемся супруге. Но образ Фицроя — его злые глаза, его требовательный голос, его рука, сжавшая ее запястье — то и дело всплывал в памяти.

— Могу ли я задать вам вопрос? — Лукан стоял у камина, и в его голосе прозвучала та особая, тихая настойчивость, которая заставляла вслушиваться.

Виктория подняла глаза. В его взгляде она на какое-то мгновение уловила что-то острое, пронзительное, но что именно — не могла понять.

— Спрашивай, — коротко обронила она и отломилла ложечкой кусочек пирожного.

— Вы его любили?

— Фицроя? — Виктория вскинула бровь, отставляя тарелку с пирожным и задумалась.

Вопрос застал ее врасплох, и она не знала, почему вообще должна на него отвечать. Но Лукан ждал, и его молчание было тяжелее любых слов.

— А любила ли я вообще кого-то? — произнесла она, скорее обращаясь к себе, чем к нему.

Она отвела взгляд от Лукана и устремила его на огонь в камине. Пламя плясало, отбрасывая на стены тени, и в этих тенях ей чудились лица — родителей, бабушки, деда, всех, кого она потеряла.

— Однако, смею заметить, — нарушил тишину Лукан, — что он недурно выглядит. Однако характер его весьма надменен.

— Знаю, — ответила Виктория. — Но почему ты спросил?

— Я ваш личный демон, графиня, — напомнил он. — Мы ведь договаривались, что между нами не будет никаких тайн.

— Мы договаривались о том, что ты никогда не будешь мне лгать и всегда будешь мне верен, — поправила она, возвращаясь к чаю.

— Так и есть, госпожа, — Лукан подошел ближе и опустился на одно колено, склонив голову. — Я ваш верный слуга. И мой долг — защищать вас любой ценой.

Он аккуратно провел рукой по ее ноге — жест, который мог бы показаться жестом утешения, если бы не был столь смелым. Виктория, слегка смутившись, отодвинула ногу в сторону.

— Что ты делаешь? — спросила она, и голос ее дрогнул.

Лукан поднял глаза. Синий цвет его глаз стал темнее, почти черным, и в них горел тот самый огонь, который она видела лишь в минуты опасности.

— Я лишь хочу сказать вам, графиня, — он поднялся, — что я буду защищать и оберегать вас от любого, кто посмеет к вам приблизиться. Даже если это будет Фицрой. Он опасен, госпожа.

Виктория слушала его и по голосу понимала: он не шутит. Он настроен серьезно, как никогда.

— И если потребуется, — продолжал Лукан, и в голосе его зазвенел металл, — то я лишу его жизни.

Виктория отвела взгляд в сторону, на пламя камина.

— Делай так, как считаешь нужным, — сказала она, поднимаясь с кресла. — Однако, — она вновь взглянула ему в глаза, и в ее взгляде зажглась та самая сталь, которую он так ценил, — делай все по ситуации. И если положение критическое, то так и быть, хоть весь Лондон пусть утопает в крови. Для меня главное — месть. Я — Виктория Астон, та, кто вернет свое имя и честь!

— Рад служить вам, госпожа, — Лукан удовлетворенно поклонился.

Виктория развернулась и направилась к лестнице. Она медленно поднималась по ступеням, и каждый шаг давался ей с трудом — не от усталости, а от тяжести мыслей, которые давили на плечи.

Лукан провожал ее взглядом.

«Столь изысканна, — подумал он. — Что душа, что хозяйка. И как же мне с тобой поступить, смертная, когда наступит окончание нашего контракта?»

Он стоял неподвижно, пока ее фигура не скрылась на верхней площадке. Затем направился в сторону кухни, где уже хлопотали Мэри и Томас, готовя ужин.

После проверки слуг, Лукан поднялся на второй этаж и вошел в свою комнату. Она находилась неподалеку от покоев Виктории, и он мог слышать, как она ходит по комнате, как открывает шкаф, как тихо напевает себе под нос какой-то старинный английский мотив.

Он подошел к зеркалу, висевшему на стене в тяжелой деревянной раме, и взглянул на свое отражение.

Тьма внутри него вновь начала метаться.

Она рвалась наружу, требовала выхода, и он снова не мог понять, чего желает больше всего. Забрать ее душу, как велит контракт? Или же что-то иное?

Под глазами проступили едва заметные черные узоры — демоническая сущность напоминала о себе. Лукан провел рукой по лицу, словно стирая их, и заставил себя успокоиться. Не сейчас. Не здесь.

Он снял камзол, аккуратно повесил его на спинку стула, стянул перчатки и опустился в кресло, закрыв глаза.

— Часик сна, — пробормотал он, — мне нужно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.